

**(RE-)NAMING AND DECOMMUNIZATION IN UKRAINIAN:
MACROPOLICIES, HISTORICAL MEMORY AND THE RISKS OF MEDIATIZATION
(KHARKIV CASE)**

Alexander Golikov

V.N. Karazin Kharkiv National University
ORCID: 0000-0002-6786-0393

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2020.01.00003>

Abstract. *The author analyzes the macropolicies of Kharkiv authorities embodied in a series of toponymic renamings carried out in Kharkiv in 2015–2016. Based on an extensive comparison with similar studies conducted over the past few years in the post-Soviet space, as well as historical studies of Soviet nominative politics, the author demonstrates the specifics of modern politics of historical memory in the case of Kharkiv and its regional authorities. Special attention is paid to the authorities confronting the risks of mediating the ongoing processes, in particular, the non-conflict and restrained kind of strategy employed by them. “The right to the city”, “politics of belonging”, “politics of memory”, discourses of power, symbolic domination, identities, (post)imperial connotations—all of these are discussed in the context of the post-Soviet renaming. The author argues that the processes studied are ambiguous and depend on multiple interests and actors in modern Ukraine.*

Key words: *renaming, renomination, decommunization, historical memory, Kharkiv, toponyms, social space, post-Soviet, politics of memory, sociology of knowledge*

**(ПЕРЕ)ИМЕНОВАНИЯ И ДЕКОММУНИЗАЦИЯ ПО-УКРАИНСКИ:
МАКРОПОЛИТИКИ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И РИСКИ МЕДИАТИЗАЦИИ
(КЕЙС ХАРЬКОВА)**

Александр Голиков

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина
ORCID: 0000-0002-6786-0393

***Аннотация.** Автор осуществляет анализ макрополитики харьковских властей, воплощённой в серии переименований топонимов города Харькова в 2015–2016 годах. На базе обширного сравнения с аналогичными исследованиями, проведенными за последние несколько лет на постсоветском пространстве, а также с историческими исследованиями советской номинативной политики автор демонстрирует специфику современной политики исторической памяти для Харькова и региональных властей. Отдельное внимание уделяется стратегии противостояния со стороны региональных властей рискам медиатизации происходящих процессов; в частности, показана неконфликтность и сдержанность избранной региональными властями стратегии. «Право на город», «политики принадлежности», «политики памяти», дискурсы власти, символическое господство, идентичности, (пост)имперские коннотации — всё это обсуждается автором в контексте постсоветских переименований. Автор аргументирует неоднозначность и зависимость исследуемых процессов от множественных интересов и акторов в современных украинских условиях.*

***Ключевые слова:** переименования, реноминации, декоммунизация, историческая память, Харьков, топонимы, социальное пространство, постсоветское, политики памяти, социология знания*

Введение

Проблематика переименований на постсоветском пространстве и в особенности в украинских социокультурных условиях является не только научно актуальной, но и политически острой, связанной с идентификационными процессами и усложненной множественностью исторических укоренений. И хотя, как мы это продемонстрировали почти полтора десятилетия тому назад (Golikov 2006) на примере переименований станций харьковского метрополитена, в этой проблеме встречаются микропроцессы идентификации в условиях посткоммунистического идеологического вакуума, мезопроцессы построения новых модальных идентичностей и институциональных ожиданий, макропроцессы производства новых

социальных порядков и режимов реализации этих порядков, и даже мегапроцессы глобализации, (нео)либеральной унификации и, как выразился бы Дж. Ритцер, макдональдизации (не только в экономическом смысле), к концу второго десятилетия XXI века стало очевидно, что феноменальность данных процессов далеко не исчерпывается всем перечисленным.

Так, социологи обнаруживают идею «права на город», где «...общественные инициативы о наименовании и переименовании территориальных единиц рассматриваются как борьба социальных акторов и институций за право присвоения городского пространства и управления им» (Terent'ev 2015: 194), что изучается, к примеру, у горожан Москвы и Петербурга (Terent'ev 2015).

Другой важной стороной, не затрагиваемой до последнего времени, но актуализированной социологами (пост)современного общества, является вопрос, поставленный относительно культурного наследия. Так, Ф. Мюхтар-Мэй рассматривает (пере)именования в более широком контексте идентичности, национализма и культурного наследия. Исследования наследия как идентичности (Myugtar-May 2014: 14–22), а также места насилия в производстве национализма на исторических материалах Болгарии позволило соединить множество проблематик и аспектов этой тематики.

Одной из таких проблематик является проблематика дискурса власти, которая, с нашей точки зрения, может быть проанализирована с применением методологии и приёмов социологии знания. Напомним, что дискурс власти должен рассматриваться прежде всего под углом «легитимизации как итога завоевания власти» и «манипуляции как стратегии удержания власти» (Sinelnikova 2015: 10). Анализируя власть как систему коммуникаций (в основном кратологически, однако и семиотически тоже), современные социологи исследуют прежде всего «смещение восприятия» через «переименование события».

Конечно, при этом немало проблематик останутся за пределами рассмотрения. Самый поверхностный анализ литературы показывает, что ренейминг исследуется с точки зрения его маркетингового потенциала и ребрендинга (Novichihina 2014), как акт производства социального неологизма, в том числе под влиянием политкорректности и «социального такта» (Ergilova 2017), и с точки зрения экстралингвистических факторов — то есть прежде всего социополитических событий (Gabibli 2014). В сугубо социологических исследованиях изучаются практики именования внутригородских пространственных объектов как в аспекте создания новых урбанонимов, так и реноминации уже существующих (Golomidova 2017). При этом прежде всего исследуются ономастические и историко-культурные аспекты, тогда как социологические аспекты сводятся к «маркетингу территорий». Однако эти аспекты оставляются нами за пределами рассмотрения интенционально.

Таким образом, **целью** нашей статьи будет исследование процессов (пере)именования с точки зрения дискурса и практик декоммунизации в украинских социокультурных условиях под углом реализации макрополитик власти, исторической памяти сообществ и отдельных агентов, а также рисков медиатизации.

Эту цель мы предполагаем реализовать в сочетании количественного и качественного подходов с применением ряда концепций, в особенности теорий гегемонии, идеологических аппаратов государства, пространства как продукта социального производства, символической власти как власти производить, давая наименования.

(Пере)именования и постсоветское пространство

Проблематика посткоммунистических переименований широко представлена в научной литературе всего постсоветского пространства, начиная с 1990-х годов и до самых свежих и актуальных исследований. При этом в разных регионах и социокультурных ситуациях эта проблематика отзывается и реализуется в научном плане по-разному.

Так, С. Уставщикова конкретизирует эту проблематику в свете десоветизации и дерусификации названий для стран Центральной Азии. Она оценивает процесс как «эпидемию переименования населённых пунктов» (Ustavshhikova 2018: 95), акцентируя внимание на том, что «она, в частности, сопровождается и уничтожением русскоязычной топонимии, заключающейся, прежде всего, в массовом переименовании географических названий» (Ustavshhikova 2018: 96). Именно в такой парадигме она анализирует переименования населённых пунктов и показывает, что «во всех республиках практически не осталось сел с русскими названиями» (Ustavshhikova 2018: 104).

Вариацию этой проблемы изучают Т. Герасименко и Н. Святоха, обозначая её как «топонимическую трансформацию республики Таджикистан». Они выделяют две группы смен названий — смена «советских и русских названий» (Gerasimenko & Svjatoĥa 2019: 103) и переименование некоторых таджикских, и узбекских названий. Этот методологический урок нам подсказывает, что те дискурсы, которые обозначаются в других исследованиях как «имперские» и «централистские», могут быть изучены и под другими — национальными, историко-культурными, более нейтрализующими и объективирующими — наименованиями и категориями.

В. Тхакахов также конкретизирует эту проблему, но для Кабардино-Балкарии. При этом он делает важное замечание, что «строго говоря, неидеологических урбанонимов не бывает. Даже отказ от персонализации городских топонимов, от использования личных имен и фамилий имеет идеологический смысл и значение. Анонимность может преследовать эгалитарные, дискриминационные или какие-либо иные цели» (Thakachov 2018: 74). Не менее важную гипотезу для нашего исследования он предлагает, когда утверждает, что «в большинстве городов доминирует практика идеологизации и очеловечивания (гуманизации) урбанонимов», то есть «карту города, пространство, которое она отображает, можно трактовать и читать как историю ее жителей, региона, страны, как историю трансформации или консервации символов городского пространства» (там же). Исследуя, как он сам указывает, не имя вообще, а социальное имя, то есть такое, что значимо для обществ, сообществ и групп, он напоминает, что «советский проект символического насилия, опираясь на процесс

реквизиции собственности, ликвидировал привязку социальных топонимов к территории» (Thakahov 2018: 74). Вместе с тем в постсоветское время происходит «точечный топонимический передел реставрационного типа» с возвращением к дореволюционным названиям при сохранении «неприкасаемых годонимов». При этом возникает феномен «параллельных урбанонимов», где «тактическими», говоря на языке Де Серто (de Certeau 1984), оказываются старые, исторические, локальные, несоветские наименования. Однако эта специфика может не распространяться на украинские реалии, что требует дополнительного исследования.

Единичный кейс-стади переименования Ленинграда в Санкт-Петербург демонстрирует, что вовлечение власти в эти процессы неизбежно, однако без определённого ограничения массовым восприятием они невозможны (Gornuj 2015). Исследование не только властных стратегий, но и медиатактик, и массовых практик, является важной комплексной задачей социолога в данной проблематике.

Ближе к постановке наших задач находится Т. Голикова, которая исследует топонимическую систему мегаполиса (Москвы), а именно существование «параллельных» названий (что она называет трансонимизацией), актуализацию оппозиций «свои — чужие», задействование экспрессий, языковых игр, (не)официальной языковой культуры. Она выделяет ряд моделей трансонимизации: на основании событий; на основании свойств официального годонима; на основании значимого объекта на территории официального годонима; на основании фонетического сходства; на основании метафорического переноса; на основании упрощения официального годонима (Golikova 2014). Для интерпретации этих данных также можно было бы задействовать разработки социологов повседневности (и уже упомянутого М. де Серто, и А. Шюца с его картографированием повседневности, и Ю. Хабермаса с его столкновением жизненного мира и системы), однако эта проблематика остаётся за пределами интереса исследовательницы.

Аналогичный взгляд демонстрирует Л. Лекарева, которая исследует урбанонимы ономастического пространства Пскова под углом неофициальных ойкодонимов и практик трансонимизации (Lekareva 2019).

Схожий исследовательский дизайн исследования политики властей в наименовании городских объектов и социокультурного облика региона вообще даёт Н. Галактионова. Доказывая внеэтничность переименований ретопонимизации (как «способа публичной манифестации идентичности»), автор указывает, что «топонимы — ... отражение властных установок, политического дискурса власти, в чьём ведении находится политика и практика наименования и переименования городских объектов» (Galaktionova 2016: 153). Н. Галактионова исследует стратегии нейтрализации переименований путём применения «нейтральных» наименований улиц и переулков (Тенистая, Кленовая, Рубиновая, Сиреневая, Южная, Медовая, Алы, Удачный и др.) и этнокультурные способы закрепления территории (осуществляемые персоналистски или исторически вовлечённо, то есть на базе личностных или историко-культурных наименований топонимов). Схожие стратегии, как мы увидим, применяет и харьковская власть.

Ещё ближе к нашей исследовательской задаче О. Ларионова, которая исследует

изменение исторической топонимики отдельного города на примере Воткинска (Удмуртия) за последние 200 лет. При этом она пытается аргументировать, что «декоммунизация... излишне драматизируется. Смена топонимов — естественный исторический процесс, так как каждая эпоха возносит на пьедестал своих героев и устанавливает свои ориентиры» (Larionova 2019: 14). Однако такой взгляд, зачастую свойственный историкам и управленцам, может быть оценен как натурализующий, а поэтому в конструктивистской парадигме, в которой мы работаем, отвергнут как ангажированный властными реификациями.

Место, память, идеология, идентичность: арсенал концептуализаций

Исторические аспекты идеологии и политики памяти в топонимике на примере политики переименований городов в СССР осуществляют К. Демьянов и В. Рыженко. Анализируя «советскую топонимическую систему» как «цельную, тщательно выверенную конструкцию на всей территории Союза» (Dem'janov & Ryzhenko 2017: 154), они методологически верно требуют системного подхода к данным процессам. Верно, с нашей точки зрения, и обратное — что аналогичные процессы в современных украинских условиях должны также изучаться целостно, системно, с учётом контекстов. На примере материала 1924–1946 годов они показывают, что «функционал идеологии национализма сохранился и перерос в цели и задачи идеологии социализма. Функционал этот заключается в унификации имперской территории, включении её в общий символический конструкт, на построение которого и направлены усилия центральной власти» (Dem'janov & Ryzhenko 2017: 157). С этой точки зрения обнаружение «общего символического конструкта» и «процессов унификации территории» становится важным исследовательским заданием при исследовании аналогичных процессов.

Вообще говоря, эта тематика становится объектом множества метафорик. Так, В. Мозговой говорит об «орудии экспансии», когда пишет о ретопонимизации (Mozgovej 2015). Исторический анализ становления топонимики целого региона позволяет ему на сравнительном материале говорить о «беспрецедентной по своим масштабам экспансии, выразившейся в переименованиях, «переводах» и изменениях структуры наименований с разрушением адресной и правовой информации о первичном собственнике» (Mozgovej 2015: 274). Таким образом, автор далеко не комплементарно оценивает в том числе процессы «декоммунизации» и «дерусификации».

Ещё более хлесткую метафору «большевизации» исторической памяти вводит О. Лейбович, который на базе концепции интерпретации культур К. Гирца в технике «насыщенного описания» исследовал литературные тексты 1930-х гг. и материалы партийного делопроизводства, и связал (пере)именования с мифами, практиками, стратегиями властных идеологических аппаратов, политиками памяти. Как указывает сам автор, «речь идет о мифологизации действительности, но мифологизации особого рода, обернутой в рациональные формы исторической закономерности, нуждающейся в аргументации, а стало быть, лишенной естественности и очевидности подлинного мифа» (Lejbovich 2019: 44). Схожие процессы (более или менее)

рациональной фабрикации мифов проходила и проходит сейчас Украина, и локальные сообщества нынешней Украины, поэтому данное замечание нуждается в отдельном внимании в нашем исследовании.

Обратный процесс, обозначенный им как «деколонизация городского пространства», изучает М. Рожанский, который на материале «старых сибирских городов», как сам пишет, анализирует «идеократию» в «советской топонимии» (Rozhanskij 2013: 10). Идеологический окрас самого автора (основанный, в том числе, и на достаточно ангажированных выкладках известного француза П. Нора) им игнорируется. Он допускает, например, такие специфичные коннотации:

«Советские названия не создают семантического богатства — в них мало советской истории» (Rozhanskij 2013: 11).

«Репертуар названий создаёт впечатление случайного в пределах ограниченного набора» (Rozhanskij 2013: 12).

Показательно, что при этом используется банальная аргументация, которую, кстати, и этнизаторы в различных странах постсоветского пространства активно эксплуатируют (например: М. Горький никогда не был в Иркутске¹). Объективация осуществляется по бюрократическим моделям, говоря языком Д. Чёрного (Chornyj 2018: 161), когда политики памяти большей части населения маркируются как «имперская амнезия» и объясняются тем, что «у подавляющего большинства людей... история семьи связана с городом исключительно в советский период» (Rozhanskij 2013: 14). Естественной в свете такого ангажированного термина, как «деколонизация», оказывается комплиментарная и явственно выходящая за пределы научного семанзиса позиция автора по отношению к «десоветизации» как к «политике возвращения имён», а почти вековое существование имён «имперской амнезии» — как «имитацию исторической памяти..., одна из несущих конструкций идеократии» (Rozhanskij 2013: 26). Этот кейс весьма ландшафтно и рельефно демонстрирует нам риски, перед которыми оказывается исследователь, приступающий к такой чувствительной, рискованной и сложной теме, представляющей собой наслоения реификаций и натурализаций, политик памяти и политик амнезии (Slobodjanjuk & Golikov 2009). Ведь очень часто мы наблюдаем, как лишь чисто внешне (вос)производится флёр противостояния эксплуатации, насилия и доминированию, а на самом деле исследовательские практики несут в себе дискурсивное воспроизводство специфичных форм доминирования, насилия и эксплуатации. Так, например, М. Рожанский указывает, что «возвращения имён» осуществляются вопреки позиции большинства населения, что не мешает автору обозначать современные процессы как демократичные, а процессы обретения и функционирования «советских» и «имперских» имён — как недемократичные.

Схожий по степени ангажированности подход демонстрирует С. Ворошилин, который наделяет происходящие процессы громкой номинацией «топонимические войны» (Voroshilin 2011), утверждая, что топонимические войны являются

¹ Заметим, что обратная ситуация теми же этнизаторами никогда не анализируется — как, например, с присвоением в Харькове Дзержинскому району наименования Шевченковского, хотя в Харькове Ф. Дзержинский был и работал, а вот Т. Шевченко — ни разу.

инструментом этноцида как политики уничтожения этнической или национальной идентичности. Используя прежде всего европейский исторический материал XX века, исследователь показывает, что «процесс массовых переименований не закончен. Националисты стремятся допереименовать всё, что не было переименовано до сих пор» (Voroshilin 2011: 92), и в резолютивной части указывает, что «заставить всех сменить исторические, принятые в странах наименования, применявшиеся длительное время, невозможно и нецелесообразно» (Voroshilin 2011: 96). И если в пределах одной страны, как показывает практика последних пяти лет, этот тезис с точки зрения реализуемости проблематичен (поскольку «невозможно» в данном случае точно неприменимо), то с точки зрения последствий и целесообразности — безусловно, как минимум частично точен и верен.

Общую постановку проблемы топонима как элемента культуры в социологии осуществляют множество социологов. Например, О. Лавров указывает, что «наречение имени не только человеку, но и месту, где он живёт», является важнейшей частью культуры (Lavrov 2013: 211). Этот научный трюизм на самом деле весьма важен не только потому, что «с возникновением имени обретает форму и сам объект наречения» (Lavrov 2013: 212), но и потому, что «смена названия начинает мыслиться как уничтожение старой вещи и рождение на её месте новой, более удовлетворяющей требованиям инициатора этого акта» (Lavrov 2013: 215). Переименование становится актом (пере)производства вещи — а точнее говоря, овеществлённых общественных отношений.

Другой аспект столь же общо поставленного вопроса даёт нам В. Мозговой, лингвистически исследующий имена собственные как объекты культуры и как культурно-исторические реальности. Такой несколько эссенциализирующий взгляд подводит его к выводу, что «любые изменения в закреплённых общественным сознанием именах при помощи переименования, немотивированного перевода, «восстановления», интерпретаций правильности-неправильности или полезности-вредности являются актом вандализма по отношению к истории и культуре» (Mozgovoј 2017: 151). Такой апологетический взгляд на сложившуюся социально-политическую реальность текста города, безусловно, неприемлем для нашего исследования, однако, как видим, в лингвистике, филологии, историко-культурных исследований он воспроизводится до самого позднего времени.

Уточняет эту проблематику в своём аналитическом обзоре Е. Терентьев (Terent'ev 2014), который указывает, что топонимы существуют не просто как набор символов, но как топонимическая практика, то есть практика (пере)именования. Выделение Е. Терентьевым двух ключевых типов подходов к исследованию топонимов (культурологический и критический) важно для нас преимущественно как методологическая «подсказка» опираться именно на критический подход, который рассматривает не топонимию как культурный артефакт, но топонимию как форму идеологии, не ландшафты, но практики, не тексты и пространства, но политики и коммеморации (Terent'ev 2014: 74). Здесь, по мнению Е. Терентьева, особую роль играют концепции гегемонии А. Грамши, идея идеологических аппаратов государства Л. Альтюссера, концепт производства пространства (А. Лефевр, М. Де Серто) и понятие

символической власти П. Бурдьё. Именно эти теоретические и методологические основания мы вполне разделяем и учитываем в нашем собственном исследовании. Это, отметим, не подразумевает игнорирования культурологического подхода: ведь в дальнейшем мы постоянно учитываем культурные и политические контексты реноминаций, рассматриваем городское пространство Харькова и как культурный артефакт, — что очевидно, если обратить внимание на нижеприведенные три уровня анализа топонимов.

Адаптацию данной проблематики к городским и региональным исследованиям в современной социологии осуществляют множество самых разнообразных исследователей – от харьковского исследователя А. Мусиездова (Musiyezdov 2016) до львовской исследовательницы В. Середы. Отдельно стоит упомянуть разработку А. Гриценко (Hrytsenko 2014), который на примере двух малых городов Украины (Звенигородка, Ватутино) исследует основные аспекты постсоветской трансформации городского пространства и «культуры памяти», отдельно обращая внимание на то, как репрезентируется в социальном пространстве локальный исторический нарратив и местная идентичность. Методология автора, представляющая собой соединение треугольника категорий «память — пространство — идентичность», хоть и выглядит достаточно схематичной, позволяют ему обнаружить и роль официоза, и практики «одомашнивания» прошлого, и роль памятников (а не только топонимов) в этих процессах.

Вообще проблематика репрезентации в социальном пространстве региона чаще всего анализируется с позиций смысловой, символической и субстанциальной структуры региона (Pisachkin 2018: 9). Ведь «репрезентации в социальной топологии региона — это важное звено методологии. Они позволяют сопоставлять социальный порядок и процесс устойчивого развития с неравенством и актуализацией событий в аспекте социального бытия, определенных акций и технологий» (Pisachkin 2018: 13). С этой точки зрения репрезентации и ре-репрезентации (среди которых вариантом является ре-номинация) являются важным индикатором как стазиса дифференциаций, так и динамики событийности, что нуждается в методическом и концептуальном различении, причём как на макро-, и мезо-, так и на микроуровнях.

Другим важным аспектом исследования регионов в современной социологии является исследование идентичности в регионализированном пространстве. Тут Е. Головнёва указывает, что городская идентичность как таковая вообще репрезентируется в системе дискурсов (как «содержании определённого типа сознания», основанного на «типе рациональности» (Golovnjova 2014: 56). Исследуя «город как особый текст», в котором представлены разнообразные «самостоятельные способы отношения к городу, предполагающие свои дискурсы», она указывает, что «восприятие топонимов мифологично: они работают и как имя-символ конкретного города, и как средство его преобразования (что выражается, например, в акте переименований улиц города, сноса памятников как способе изменения качества переименованного пространства, создания параллельных пространств через неофициальные названия и т.п.)» (Golovnjova 2014: 57). Исследование дискурса переименований как дискурса мифологического, безусловно, перспективное

направление, однако в целостном виде мы его задействовать в рамках данного исследования не планируем в силу прежде всего ограниченности наших задач.

Схожую проблематику затрагивают исследователи топонимических практик приграничья — например, в Смоленской области, где помимо всего прочего предлагается любопытная идея «политики принадлежности» (politics of belonging). Так, в анализе региональных топонимов «выделяют три уровня...: политический, историко-культурный и прагматический» (Vinokurov 2016: 28), причём эти уровни различаются по лингвореализации, стратегиям аргументации и содержанию. Политический уровень — это уровень политической агитации и пропаганды; историко-культурный — уровень культурного ландшафта, знаков и ценностей; прагматический — уровень ярлыков и пространственных ярлыков, «привязанных» к практикам. Именно здесь и возникают «политики принадлежности» как стратегии и тактики осуществления права на владение, что превращает практики (пере)именования в механизмы социальной (не)справедливости. Здесь, с нашей точки зрения, немалую роль могут сыграть локальные и общенациональные медиа, чья позиция в этих процессах должна быть отдельно исследована. Топонимию как историю, закреплённую в пространстве, изучают для конкретных регионов на базе методов устной истории, нарративного интервьюирования и анализа документов (Kushalakova 2015).

Биографические аспекты затрагивает С. Арутюнов, который указывает, что «для «этнографии памяти» значимыми оказываются многие мемориальные символы и обозначения, в том числе наименования и переименования улиц, погребения, надгробные памятники и надписи на них» (Arutjunov 2019: 172). Анализируя этничность кавказских народов, вписанную в историко-культурные процессы XX века, он демонстрирует, как множественные переименования порождают биографические ненадёжности, микро- и макроконфликты и другие, в основном феноменолого-микросоциологические явления и процессы.

Частный вариант конструирования территориальной идентичности инструментами номинации показывает, что, с одной стороны, важным является субстрат именованного (то есть аэропорт это или улица, площадь или стадион), с другой же — персональная, географическая и событийная история места или города, в котором осуществляется переименование (Nazukina 2018). При этом эмпирически демонстрируется, что зачастую при столкновении истории, политик и географии побеждает последняя, что, как мы увидим и на харьковском эмпирическом материале, релевантно и для «декоммунизационных» украинских условий.

Таким образом, даже такой краткий обзор позволяет нам заметить и отметить те риски, с которыми встречается исследователь в силу чувствительности и комплексности темы, неизбежно сталкивающей его с архитектурой реификаций и натурализаций, политик памяти и политик амнезии. Занимать здесь апологетическую позицию по отношению к переименованиям — это большой соблазн для социолога, которого нужно не только избегать, но который нужно осмысливать и критически исследовать.

Вот почему мы настаиваем на том, что процессы переименования, как мы

видим по результатам обзора, должны изучаться целостно, системно, с учётом контекстов — только так могут быть обнаружены «общий символический конструкт» и «процессы унификации территории», а (пере)именование — замечено как акт (пере)производства вещи (а говоря менее эссенциалистски и реифицирующе — овеществлённых общественных отношений). Этому целиком может помочь предложенный А. Гриценко треугольник категорий «память — пространство — идентичность», где стазис дифференциаций пространства, (ре-)репрезентированный в (ре)номинациях памяти, встречается с динамикой событийности идентичности. Всё это в дальнейшем может быть изучено как «политика принадлежности», в дискурсивировании и практиковании которой существенную роль играют медиа.

Именно такой является наша общая концептуальная рамка.

Украинские исследования (пере)именований 2010-х годов

В украинских условиях исследуются закономерности переименований в разные эпохи населённых пунктов Днепропетровской и Запорожской областей, прежде всего с филологической точки зрения способов образования ойконимов (Tomilina & Belomoretz 2013). Встречаются даже лакониански-жижековские попытки проанализировать место национальной идентификации в Реальном (Zayec' 2015). Более социологические постановки затрагивают проблематики политик памяти в структуре государственной пропаганды, роли школьных программ и производства мемориально-символического пространства в конструировании политической нации (Babka 2016), а также влияние политических событий на акты локальных и специфичных переименований (Tatarova 2013).

Из собственно исследований «декоммунизации в современной Украине» можно отметить совместное украино-венгерское исследование, в котором на базе типологии Яна Ассмана холодной и горячей памяти проводится вполне конформный по отношению к происходящим в украинских условиях процессам дискурс:

«В Украине, приблизившейся к критическому отрезку своей истории, в ходе борьбы за выбор дальнейшего пути, продолжающейся с 2013-го г....» (Fedines & Chernichko 2016: 67).

При этом данные авторы пытаются анализировать «четыре закона декоммунизационного пакета» под углом сугубо социологических (Я. Ассман) или цивилизационных и геополитических (С. Хантингтон) проблем, что ставит вопрос о релевантности проведенного ими анализа. Апологетически используемые позиции (О. Пахлёвская, Н. Рябчук) и дихотомии (белорусский сценарий или независимость) достаточно легко вскрывают авторскую предвзятость. «Возвращение в Европу» ими рассматривается как «возвращение к нормам», «компенсация исторической несправедливости» и даже как «процесс лечения патологического развития». Персонификацией украинской идентичности для этих авторов выступает С. Бандера (Fedines & Chernichko 2016: 71), а собственно процессы описываются сквозь призму Украинского института национальной памяти и его политики. Безусловно, такое исследование не может считаться ни объективным, ни исчерпывающим, ни

деидеологизированным. Идеология здесь «просвечивает», «отслеживается», говоря на постструктуралистском языке, в любой секвенции текста.

Исследование «разрушения пространства советского символического господства» осуществляет А. Плеханов. При сохранении относительно объективной терминологии и методологии (с опорой на А. Ассмана и П. Бурдьё), автор тем не менее зачастую игнорирует идеологические и акторные аспекты процесса, используя, например, псевдообъективирующий термин «разрушение». Впрочем, он вполне по делу напоминает, что глубинные корни «декоммунизации» находятся ещё в начале 1990-х годов (Plehanov 2018: 192–193), а также что они культивировались и поддерживались всеми президентами Украины в той или иной мере. Автор описывает феномены «войны памятников», анализирует «модели декоммунизаций названий населённых пунктов» (Plehanov 2018: 197) — а точнее, основные типы реноминированных названий. Так, он выделяет «изъятие советского», «возвращение к историческим названиям», «дерусификацию» и «символическое сопротивление декоммунизации через минимальные последствия изменения названия» (Plehanov 2018: 200–205). Подытоживая, автор указывает на такой важный для нас контекст, как тот, что «советские символы маркировались как объекты, ставящие под сомнение и мешающие существовать независимому украинскому обществу и государству» (Plehanov 2018: 212). Это одна из важных гипотез, которые мы проверяли в нашем исследовании.

Исследования переименований Харькова осуществляются активно, однако при этом спорадически, случайно и бессистемно. Это характеризуется тем, что зачастую воспроизводятся конформные господствующему дискурсу и реифицирующие позиции. Однако дискурс-анализ научного дискурса как дискурса (легитимации официальной) власти является целью другого исследования, здесь же укажем, что наиболее показательным является исследование М. Тахтауловой. Автор утверждает, что проанализировала 221 топоним из двух документов Харьковского горсовета и городского головы (от 20.11.2015 и 2.02.2016), и указывает на:

- а) лидерство антропонимов, а именно деятелей науки и культуры (38%, 80 урбанонимов);
- б) возвращение «исторических названий» 47 улицам, то есть 22% случаев;
- в) «пополнение» «нейтральной» (без малейшего определения, как его измеряет автор) топонимики города — 9% «нейтральных названий», как их помечает автор;
- г) использование «микротопонимики» — 8%;
- д) «эргонимическая группа» — 6 наименований (улица Искусств, Индустриальный проспект);
- е) «сомнительные» (причём в одном абзаце автор указывает то 5, то 7 названий).

С куда большей симпатией автор смотрит на деятельность ОГА (причём как на процесс, так и на результат деятельности), которая составила 52 переименования. И, конечно же, «жители постепенно привыкают к новым названиям, заменяются таблички

на домах и адреса на рекламных буклетах. Логичные названия, которые не вызвали нареканий, быстро интегрировались в повседневные практики харьковчан» (Тахтаулова 2017: 149). Никаких данных социологических исследований, кроме личных впечатлений автора, при этом не приводится.

Дизайн данного исследования кое в чём похож на тот, который мы планировали реализовать, поэтому его предварительный обзор является важной частью системного анализа объекта исследования.

Данные и методология

В исследовании был использован массив данных, сформированный автором на базе трёх документов — протокола № 23 заседания Городской комиссии по вопросам топонимики и охраны историко-культурной среды от 17.11.2015; протокола № 1 заседания Городской комиссии по вопросам топонимики и охраны историко-культурной среды от 28.12.2015; распоряжения № 181 от 17.05.2016 головы Харьковской облгосадминистрации. В ходе анализа было обнаружено 269 актов переименования улиц, проспектов, площадей, переулков, спусков и проездов, а также 18 актов переименования более «крупных» (с точки зрения социокультурной заметности и видимости) геонимов, а именно: 5 переименований парков и скверов, 6 переименований станций Харьковского метрополитена, 7 переименований административных районов города. При этом количественному анализу были подвергнуты наименования из первого массива данных (269 единиц наблюдения), тогда как 18 единиц наблюдения из второго массива данных выделены в отдельный блок анализа — не столько количественного, сколько с применением техник дискурса-анализа, «плотного описания» и «обоснованной теории» (grounded theory).

С целью объективности, многомерности и квантифицируемости анализа нами для каждой единицы наблюдения было выделено 12 единиц анализа, среди которых:

- три признака было выделено для исходного геонима (наличие отношения к Харькову; «профиль» денотата; эпоха коннотата);
- три признака было выделено для геонима, полученного в результате переименования (наличие отношения к Харькову; «профиль» денотата; эпоха коннотата);
- шесть признаков было выделено для самого акта переименования (субъект переименования; наличие альтернативных «исторических названий»; локализованность денотата; сохранение структуры наименований; сохранение профиля наименования; наличие аллюзии — логической или звуковой).

Обработка данных осуществлялась с применением программного пакета SPSS v. 23. Ввод первичных данных и визуализация (в исследовательских целях, для обнаружения тенденций и различий) — программы Microsoft Excel 2003.

Безусловно, некоторые методологические ограничения порождены спецификой исследуемого предмета. Например, далеко не всегда даже в такой

дробной аналитизации объекта исследования есть возможность однозначно категоризировать единицу наблюдения и присвоить ей код по определённым признакам. Даже по наличию отношения к Харькову могут возникать дискуссии — насколько, например, «пребывание проездом» является поводом для переименования улицы, — не говоря уже о более сложных случаях категоризации. Однако отдельно мы бы хотели указать, что документы Харьковской городской администрации (протоколы — см. выше) предоставили нам куда больше исследовательских возможностей, чем документ Харьковской ОГА (распоряжение). В отличие от последнего, первые два содержали не только само распоряжение, но и обоснование переименования, краткий справочный материал об исходном и последующем названиях, об истории улицы и т.д. Это, с одной стороны, несколько проблематизирует некоторые наши данные (те из них, где мы сами вынуждены были реконструировать, например, наличие исторических альтернатив названия), с другой же — ещё больше ставит под вопрос объективность одного из проанализированных нами выше исследований: как минимум с точки зрения результатов работы, акты Харьковского городского совета выглядят куда «прозрачнее», «демократичнее» и «открытее» для любого желающего ознакомиться. Не говоря уже о том, что такое представление данных является безусловно более профессиональным и проработанным.

«Большие» имена: эскиз дискурс-анализа

На карте любого города прежде всего заметны те имена, которые мы обозначили как «большие». Таковыми являются для Харькова названия районов, станций Харьковского метрополитена и парков/скверов. Последние — преимущественно в силу их малочисленности, компактности на карте города, а также специфичных функций в экосистеме и практическом пространстве городе.

Эти 18 переименований, из которых почти половину (8) составляют переименования районов, не подлежат статистическому анализу в силу малочисленности массива, однако, с нашей точки зрения, и объединению с массивом переименований топонимов также не подлежат, прежде всего в силу специфичной роли в символическом и идентификационном пространстве. Именно поэтому мы предлагаем их проанализировать не статистически, а с применением техник дискурс-анализа.

Здесь обращает на себя внимание то, что Харьковский городской совет в своей деятельности чётко, формально обоснованно и последовательно следовал букве закона о «декоммунизации», тогда как Харьковская областная государственная администрация интерпретировала его предписания расширительно, что отразилось в том числе в последовательности переименований. В этом же проявилась и волюнтаристская сторона её деятельности. Так, из всех станций Харьковского метрополитена ХГС переименовал только станцию «Советская» в станцию «Площадь Конституции». Заметим, что символическое название было заменено на сугубо территориальное, никакой гомологии между названиями не наблюдается, что приводит к тому, что и до сих пор, по наблюдениям автора, воспроизводится двойная система наименования данной станции в практиках харьковчан.

В то же время ХОГА переименовала и те станции, чья реноминация (учитывая норму в законе о том, что «декоммунизации» не подлежат символики, апеллирующие к борьбе с нацизмом и фашизмом) весьма сомнительна. Так, «Имени Маршала Жукова» переименована во «Дворец Спорта» (заметим, что здесь конфигурация реноминации — из символического в территориальное — полностью повторяет переименование «Советской»), «Площадь Восстания» — в «Защитников Украины» (территориальная эквивалентизация), «Пролетарская» — в «Индустриальную», «Советской Армии» — в «Армейскую», «Метростроителей имени Г.И. Ващенко» — в «Метростроителей» (эти три переименования можно считать аллюзивными, то есть апеллирующими к исходному номену и опирающимися на него).

Итак, из наименований станций метро «удалены» слова «советское» (дважды), «пролетарская», «восстание», а также имена двух персон советского пространства — Г.К. Жукова и Г.И. Ващенко. На место «пролетарского» (апеллирующего к конкретному классу и его интересам) приходит «индустриальное» (не апеллирующее, означающее всего лишь «нейтральную» сферу деятельности), на место «восстанию» (как революционизации общественного порядка) — лояльная «защита» (как де-революционизация общественного порядка, его сервильное воспроизводство).

Заметим всё же, что переименования станций метро осуществлялись либо достаточно осторожно (то есть с опорой на смысловую аллюзию), либо сугубо территориально (Площадь Конституции, Площадь Защитников Украины, Дворец Спорта). Это характеризует стремление харьковских городских (и даже областных) властей к максимальной «надёжности» переименований, их «неуязвимости» с точки зрения публичной дискуссии. При этом городские власти явно пытались обойтись минимальными изменениями (что объясняется как политическими, так и экономическими причинами), тогда как областные власти, зависящие исключительно от «центра», продуцировали куда больший объём работы.

Менее заметны эти тенденции в случае с парками и скверами. К четырём переименованиям Харьковского горсовета было добавлено одно переименование ХОГА. Сквер имени Десятилетия КСМУ стал Карякиным садом, Парк имени Ильича — Ново-Баварским сквером (два переименования, апеллирующие к истории и локальной территориальности), Парк культуры и отдыха имени Артёма — Парком Машиностроителей, Сквер имени Советской Украины — Сквером Тракторозаводским (два переименования, апеллирующие к социальным группам и их профильной профессиональной деятельности). Куда меньше укоренённости в социальных группах харьковчан, их истории и локальности, продемонстрировала ХОГА, переименовавшая Октябрьский гидропарк в Удянский (по названию реки Уды). Относительно нейтральный номен «Октябрьский» не расценивается, таким образом, как могущий быть интерпретирован конформно и лояльно по отношению к господствующему символическому и социальному порядку.

Наконец, из 9 харьковских районов переименованию не были подвергнуты только 2 — Московский и Киевский. В первоначальном акте переименования Дзержинский район (созданный, кстати, в том числе усилиями Ф.Э. Дзержинского, вложившего немало сил в развитие Харькова) реноминирован в Шевченковский, Ленинский — в Холодногорский, Орджоникидзеvский — в Индустриальный. Таким образом, Харьковский городской совет, снова-таки буквально и однозначно

интерпретируя закон, коснулся исключительно тех районов, что непосредственно подлежат переименованию.

Тогда как ХОГА, расширительно интерпретируя закон, переименовывает Октябрьский² в Новобаварский, Фрунзенский³ — в Немышлянский, Коминтерновский — в Слободской, Краснозаводской⁴ — в Основянский. Даже «нейтрализованные» номены «Октябрь» и «Фрунзе», с точки зрения представительства центральной власти в Харьковском регионе, являются носителями в массовой памяти дискурсивно неприемлемых коннотаций, каковыми обладает даже слово «красный» (вряд ли мы будем исходить из гипотезы, что слово «завод» социально опасно для социального и дискурсивного порядка).

Отметим, что при этом в качестве «новых» топонимов предложены топонимы, апеллирующие к «нейтральным» географическим реалиям (река Немышля, село Основа, сейчас находящееся в черте г. Харькова), относительно «нейтрализованным» историко-культурным реалиям, реифицированным в географические. Напомним, что «Новая Бавария» апеллирует, конечно, к освоению Харькова немецкими предпринимателями во времена Российской империи, однако географическая реификация затушёвывает этот факт; равно и «Слобода» апеллирует к освоению Дикого Поля переселенцами в том числе из Московского царства и впоследствии Российской империи, однако географическая реификация и здесь оказывается эффективной. Эти наименования нельзя признать ни детально проработанными, ни глубоко укоренёнными в харьковской истории или географии (равно как и «гидропарк Удянский»), ни мелодичными по звучанию — короче говоря, ни одного аргумента, кроме сугубо политико-идеологического, «за» их принятие быть не может, особенно учитывая, что некоторые из этих районов собственно были созданы и практически целиком выстроены именно в XX веке, в СССР. Однако сам факт, что та же ХОГА, которая использовала для топонимов более «конфликтные» модели наименований, в случае с «большими» именами использовала более «нейтральные» номены, показателен.

Этот предварительный анализ был необходим в том числе для размётки нашей дальнейшей аналитической задачи, пилотажа инструментария и избранных нами единиц анализа, признаков и индикаторов.

² Был переименован Харьковским горсоветом «на честь: Дня захисника України, встановленого Указом Президента України від 14.10.2014 № 806/2014 «Про День захисника України»; Дня українського козацтва, встановленого Указом Президента України від 07.08.1999 № 966/99 «Про День українського козацтва»; Дня Покрови Пресвятої Богородиці; Дня звільнення України від фашистських загарбників, встановленого Указом Президента України від 20.10.2009 № 836/2009 «Про День звільнення України від фашистських загарбників»».

³ Был переименован Харьковским горсоветом «Тимура Михайловича Фрунзе, лейтенанта, льотчика-винишувача 161-го винишувального авіаційного полку, Героя Радянського Союзу, уродженця Харкова, що героїчно загинув у 1942 році при обороні Батьківщини від нацистських загарбників; враховуючи Закон України «Про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939–1945 років» від 09.04.2015 № 315-VIII».

⁴ Не были переименованы, в том числе потому, что Коминтернов множество, и не все имеют хоть какое-либо отношение к режиму, правившему в СССР, тогда как тот факт, что красный цвет подлежит однозначной оценке как ангажированный, редко обходится без длительной дискуссии и аргументации.

Общая картина

Исходный массив переименований отличается высокой гомогенностью: а именно, из 269 переименованных геонимов лишь 79 имели отношение к Харькову, то есть 29,4%, а 190 (70,6%) — не имели. Из них 264 (98,1%) дислоцировались в советской эпохе, ещё 3 (1,1%) — в эпохе Российской империи, по одному — в постсоветской эпохе и в других эпохах. Относительная дифференциация исходного массива наблюдалась лишь по профилю именованного, хотя и тут была ярко выраженная доминанта: 61% именованных (164) имеют персоналистский профиль (то есть именование в честь конкретного человека), 26% (70) — символический профиль (то есть именовались символически значимо для определённых социальных групп или сообществ), 10,4% (28) — профессиональный (то есть по конкретным социально-профессиональным или социально-деятельностным группам), 2,6% (7) — по территориальному принципу. Ни одного церковного наименования (что объяснимо), абстрактно-лирических и «нейтральных» (как это обозначали исследователи выше) наименований обнаружено не было.

Также значимым для понимания исходного массива данных является тот факт, что у 125 переименований было альтернативное историческое название, не выбранное для переименования (46,5%), 60 переименований (22,3%) были собственно историческими названиями локусов, и, наконец, 84 наименования (то есть почти треть, 31,2%) и были «историческими наименованиями». С нашей точки зрения, этот факт (то есть лишь в 1/5 случаев «историческая справедливость» была восстановлена, в 1/3 она была открыто поправлена, ещё в 46,5% мы наблюдаем весьма дискуссионную и потенциально конфликтную ситуацию) опровергает какие бы то ни было возможные инсинуации на предмет того, что переименования преследуют сколь-либо «естественные» и «неоспоримые» интересы социальной справедливости.

Акты переименования были сгруппированы в три больших совокупности по времени и субъекту переименования. Наиболее массивной является совокупность наиболее ранних переименований (171 переименование, 63,6%), вторая по хронологии — наименьшей (46; 17,1%), и, наконец, распоряжение ХОГА содержит 52 переименования (19,3%).

Наконец, полученная нами совокупность переименований с точки зрения общих характеристик выглядит следующим образом: к Харькову имеют отношение 49,1% наименований (132), не имеют — 46,8% (126), ещё для 11 наименований — невозможно определить. С этой точки зрения «представленность» Харькова в харьковской топонимике повысилась на 20% — и нам трудно оценить, чего здесь больше: «провинциальности» или аутентики. Также снизилась персонифицированность профиля именованных: «лишь» 49,1% (132) наименований, то есть на 32 меньше, имеют персоналистский профиль, 11,9% (32, на 25 больше) — территориальный, 9,3% (25) — не установленный с достаточной достоверностью профиль, 8,9% (24, на 46 меньше) — символический, 8,2% (22) — церковный, 7,1% (19, на 9 меньше) — профессиональный, 5,6% (15) — «абстрактно-лирический», «нейтральный» (хотя мы как исследователи должны понимать, что нейтральности в данной ситуации быть не может: сам акт наименования не нейтрален, а

переименования — вдвойне) профиль. При этом «территориальный» принцип наименования следует отличать от наличия локальных причин именования. Локальный принцип шире, поэтому 45 новых номенов (16,7%) имеют локальные причины, которые далеко не всегда своим денотатом апеллируют к локальному коннотату или к территориальному принципу наименования.

Что касается эпох новых номенов, то советская эпоха не была окончательно «изгнана» с пространства Харькова, как утверждают некоторые служащие и «исследователи». 61 наименование (22,7%) так или иначе апеллирует к персоналиям советской эпохи; целых 99 наименований (36,8%) — к персоналиям и реалиям времён Российской империи; 21 наименование (7,8%) — к персоналиям и реалиям постсоветской эпохи независимой Украины; 4,1% (11 наименований) — к другим эпохам, и, наконец, для 77 наименований (28,6%) установить эпоху невозможно, поскольку именования не апеллируют ни к какой одной из них.

Признание переименований как легитимных зачастую опирается на «согласование» исходных и новых топонимов. Это осуществляется разными способами, наиболее распространённый из которых — аллюзия. «Суть аллюзии заключается в наличии между исходными и новыми номинациями чисто фонетического сходства при отсутствии между ними каких-либо семантических связей» (Peteshova 2018: 68). Мы расширяем это понимание и находим в актах переименования не только собственно аллюзию. Так, мы обнаруживаем, что аллюзия была не слишком многочисленной: из 23 случаев, то есть меньше 10%, 14 случаев «логической» аллюзии, и лишь 9 случаев (в отношении которой мы далеко не всегда уверены в интенциональности аллюзивности) — фонетическая. При этом аллюзии достаточно равномерно распределены: 6 из 23 (то есть примерно 25%) находятся в актах переименования ХОГА, остальные 17 — в актах переименования горсовета. Здесь есть как очевидные логические аллюзии (Чапаева — Кавалерийская, 50-летия ВЛКСМ — Юбилейный, Краснофлотская — Корабельная, Красношкольная — Гимназическая), так и неочевидные (Либкнехта — Эрлиха (немцы), Благоева — Дринова (болгары), Потапенко — Багмута (рядовые солдаты разных эпох), Коммуны — Республиканская (дискурс об освобождении от тирании в разные эпохи различается), Посевкомовская — Господарська, Социалистическая — Волонтёрская, Галана — Литературная). То же самое касается и фонетических аллюзий: Радянська — Раднянська, Соколова — Соколовская, менее очевидны такие переименования, как Дацько — Шрамко, Косиора — Корсиковская, Демченко — Девичья. Не менее значимо и то, что в 80 случаях из 269 сохранён «профиль» наименования, в 78 случаях — сохранены структуры наименования (под таковыми мы понимаем наличие «связанных» именований, когда, например, улица и переулок одинаково или схоже назывались).

Итак, можно с большей или меньшей уверенностью говорить, что власти, ответственные за переименования, старались избежать конфликтности и расширения столкновений в медиа, то есть избежать превращения переименования в громкий и значимый медиафакт, избежать его медиатизации. В то же время можно предполагать, что степень этого стремления была различной, да и стратегии, используемые такими разными ветвями власти в Харькове, как горсовет и ОГА, были разными.

Стратегии и тактики

Множественная цель исследования политик памяти и амнезии, а также макрополитик и менеджмента рисков медиатизации, может быть реализована лишь компаративно, то есть в сравнении способов и вариаций осуществления реноминации в трёх актах (см. таблицу 1). Помимо параметров, относящихся к этим актам, в таблице приведены для сравнения и средние показатели по всем 269 актам переименования.

Заметим в скобках, что здесь и речи быть не может о значимостях различий и прочих статистических параметрах, поскольку наше исследование по самой своей природе не выборочное, а сплошное. Это замечание процедурно важно для понимания того, что даже минимальные различия будут «говорящими» в данном исследовании.

Исходя из самых базовых тенденций, можно отметить следующее в том, что касается характеристик самого акта переименования, то есть его макрополитик и его менеджмента рисков медиатизации. Акты переименования ОГА отличаются низким уровнем локализованности (на порядок ниже, чем в актах переименования ХГС), низким уровнем сохранения профиля (в 1,5 раза меньше) и структуры (на порядок меньше) и высоким уровнем альтернативного исторического номена.

Это может означать лишь то, что стратегии ХОГА были:

а) куда более конфликтными, поскольку меньше «ориентировались» на привычные для горожан структуры именованья;

б) куда более формальными в выборе негодонимов и менее проработанными (что снова-таки противоречит вышеприведенным мнениям по поводу сравнения переименований), поскольку сохранение «профиля» характеризует переименование как более проработанное и более содержательное, с учётом истории места и исторической памяти проживающих;

в) куда менее «сотрудничающими» с локальными силами и группами, поскольку лишь 1 из 52 (1,9%) именованья ХОГА были локализованными (то есть отсылающими к локальным территориальностям), по сравнению с 19-20% локализованных именованья от ХГС;

г) куда более волюнтаристскими, поскольку «задействование» традиционных, исторических имён ниже в 2,5–3 раза (11,5% исторических имён было использовано против 23–30% в переименованиях горсовета), а в 77% случаях традиционное историческое имя вообще игнорировалось;

д) куда более политически и административно унифицирующими, чем негодонимы, предложенные Харьковским горсоветом, то есть куда более «заточенными» под универсалистский дискурс Украины, чем под локалистский дискурс Харькова и региона.

В этом смысле макрополитики ХОГА были куда более медийно рисковыми и конфликтными, и лишь полное господство в медиапространстве сторонников и

патронов ХОГА в её тогдашнем изводе и формате не позволило этим макрополитикам привести к реальным медиапоследствиям, да и не только медийным — к социальным, культурным, политическим последствиям в регионе. Впрочем, с нашей точки зрения, ещё рано подводить итоги и суммировать результаты данной деятельности. В противоположность этому, деятельность Харьковского городского совета выглядит пусть и не идеальной, однако куда более согласованной с возможными, ожидаемыми и предполагаемыми интересами местной общины, жителей и социальных групп.

Это, в общем-то, объяснимо в том числе самой природой власти этих двух органов. Ведь источником власти ХОГА является преимущественно центральная киевская власть, тогда как легитимным и легальным источником власти Харьковского городского совета как минимум манифестируется местное население, чьё мнение и чьи интересы Харьковский городской совет вынужден учитывать даже в таких действиях. В этом смысле вывод, который мы предварительно получили в ходе анализа «больших» имён, подтверждается количественно: макрополитически, идентификационно, символически и медийно «обостряла» ситуацию именно ХОГА, тогда как ХГС вёл куда более неконфликтную, примиренческую, осторожную политику с опорой на предполагаемое и ожидаемое мнение местных жителей (об этом, напомним, свидетельствует и количество сохранённых структур наименования, и количество аллюзий), и в этом смысле — куда более демократичную и открытую деятельность.

Таблица 1. Стратегии реноминации в двух актах переименования Харьковского городского совета и в акте переименований Харьковской областной государственной администрации (в количестве актов переименований и в процентах)

Характеристики номенов и реноминаций		ГорСовет-1	ГорСовет-2	ОГА	Всего	
Количество актов реноминации		171	46	52	269	
Исходный номен	Отношение к Харькову	Имеет	27,5	41,3	25,0	29,4
		Не имеет	72,5	58,7	75,0	70,6
	Профиль	Персона	66,7	63,0	40,4	61,0
		Профессия	7,6	4,3	25,0	10,4
		Символ	25,7	21,7	30,8	26,0
		Территория	0,0	10,9	3,8	2,6
	Эпоха	СССР	100,0	97,8	92,3	98,1
		РИ+ГВ	0,0	0,0	5,8	1,1
		Постсоветская	0,0	0,0	1,9	0,4
		Другое	0,0	2,2	0,0	0,4
«Новый» номен, полученный в результате переименования	Отношение к Харькову нового	Да	53,8	43,5	38,5	49,1
		Нет	39,8	56,5	61,5	46,8
		З/о	6,4	0,0	0,0	4,1
	Профиль нового	Персона	48,0	52,2	50,0	49,1
		Профессия	4,7	4,3	17,3	7,1
		Символ	9,4	2,2	13,5	8,9
		Территория	13,5	13,0	5,8	11,9
		«Абстрактная лирика»	7,6	2,2	1,9	5,6
		Церковь	8,8	15,2	0,0	8,2
		З/о	8,2	10,9	11,5	9,3

	Эпоха нового	СССР	23,4	32,6	11,5	22,7
		РИ+ГВ	44,4	23,9	23,1	36,8
		Постсоветское	5,3	0,0	23,1	7,8
		Другое	3,5	4,3	5,8	4,1
		Вне эпох	23,4	39,1	36,5	28,6
Характеристики самого акта переименования	Локализованность	В единицах	35	9	1	45
		В %	20,5	19,6	1,9	16,7
	Сохранение профиля	В единицах	52	16	12	80
		В %	30,4	34,8	23,1	29,7
	Сохранение структуры	В единицах	58	18	2	78
		В %	33,9	39,1	3,8	29,0
	Наличие другого исторического имени	Да	38,6	41,3	76,9	46,5
		Нет	23,4	30,4	11,5	22,3
		Исходное	38,0	28,3	11,5	31,2

Что же касается политик памяти и амнезии, то мы обнаруживаем, что архегодонимы (то есть исходные именованья), которые были уничтожены ХОГА, были намного более «профессиональными», куда более символически напряжёнными и содержащими связи с Российской империей и Гражданской войной 1917–1922, при этом меньше имели отношение к Харькову; неогодонимы же ХОГА были менее имеющими отношение к Харькову, столь же персонифицированными, как и в случае с горсоветом, куда более символизированными и профессионализированными (что может объясняться феноменом аллюзии — см. выше по этому поводу), куда менее территориальными (что совпадает с результатами нашего предварительного дискурсивного анализа), не имеющими отношения к церкви и куда больше имеющими отношение к постсоветским реалиям эпохи независимости Украины по сравнению с неогодонимами Харьковского горсовета (23,1% в акте реноминации у ХОГА по сравнению с 5,3% и 0,0% двух документов Харьковского горсовета).

При этом качественный анализ показывает, что имена и реалии, к которым обращается ХОГА, являются куда более конфликтными — например, относящимися к периоду 1917–1922, что нами было отнесено к эпохе Российской империи и Гражданской войны. Это подтверждает приведенные нами выше предварительные выводы. Впрочем, детальный анализ дискурсивных практик на- и переименования — предмет отдельного исследования, здесь мы избрали другую методологию исследования.

Равно как и подтверждаются вышеуказанные выводы зафиксированные нами в примерно тогда же проведенном исследовании отношения харьковчан к процессам последних лет⁵. Так, мы обнаружили, что ценность «дать людям возможность влиять на решения» набрала в «первом выборе» по методологии Р. Инглехарта 30,1%, во

⁵ Исследование, осуществлённое группой социологов кафедры социологии ХНУ имени В.Н. Каразина (сентябрь – декабрь 2017 года; полевой этап — декабрь 2017 года) под руководством д.с.н., проф. А.А. Мусиездова на тему «Традиционные, современные и постмодерные ценности в украинском мегаполисе (пример Харькова)». Исследование было проведено методом face-to-face интервью, выборка была разработана на основе статистических данных о структуре населения Харькова, является репрезентативной для взрослого населения города по полу, возрасту и образованию и составляет сэмпл в 1213 наблюдений (n=1213).

втором выборе — ещё 25,9%. Вряд ли это можно описать как «удовлетворённость граждан возможностями участвовать в решениях». Скажем больше: 22,8% харьковчан заявили по 10-балльной шкале, что управление ими на момент опроса совершенно не демократично (то есть 1 балл из 10), ещё 15,7% поставили «2», ещё 19,2% — «3» и так далее. Для сравнения: лишь 16,4% харьковчан поставили балл выше 5 из 10 возможных (то есть 6, 7, 8, 9 или 10). Наконец, «коренные» события 2013–2014 годов полностью позитивно оценивали 4,8% харьковчан, скорее позитивно — 13,4%, среднее арифметическое по выборке составляло 2,261 при минимальном 1 и максимальном 5 (см. частично результаты этого исследования в (Golikov 2018)). Это не похоже на «удовлетворение людей» и «осознание того, что они живут в демократически управляемой стране с прозрачными процедурами». Вполне вероятно, что данное исследование техник и стратегий переименования дополнит картину нашего предыдущего исследования, почему именно таково отношение харьковчан к политическим процессам последних лет.

Итоги и рефлексия

Итак, на примере харьковского кейса целиком и полностью эмпирически подтверждается достаточно распространённый теоретический тезис, что «...топонимические номенклатуры задают систему навигации не только в физическом, но и социокультурном пространстве, вписывая в городские символические ландшафты определённые коммеморативные и политические повестки. Этот факт делает их объектом пристального контроля со стороны местных и федеральных властей, а также предметом острых дискуссий в публичном пространстве, которые часто сопровождаются разнообразными формами гражданского активизма» (Terent'ev 2015: 194). При этом специфика современных украинских общественно-политических процессов сказывается в том, что:

а) на примере харьковских реноминативных политик мы наблюдали ситуацию реальной полицентричности и в чём-то даже хаотичности функционирования локальных политик коммеморации и политизации; это привело к тому, что ландшафт харьковских реноминаций явственно гетерогенен как с точки зрения техник реноминации (являющихся частью макрополитик различных субъектов политики), так и с точки зрения политик памяти/амнезии. Причём при анализе этих политик нужно постоянно держать в горизонте восприятия, что ХГС и ХОГА в анализируемый нами период времени находились в крайне напряжённых и противоречивых отношениях, где община харьковчан оказывалась чаще пассивным зрителем, чем активным участником, а центральные власти (прежде всего исполнительная ветвь) — производителями многочисленных правовых, дискурсивных и прочих интервенций на традиционно (для постсоветской культуры) локальные «территории». К одной из таких «территорий» как раз и относится локальная топонимика. Именно поэтому и именно в данный промежуток топонимические политики превратились в важный аспект практик управления как удержания целостности и балансности системы, где «управленческая задача» ХГС по сравнению с таковой у ХОГА была существенно осложнена тем, что у ХГС и ХОГА различались «базовые источники легитимности». ХГС

куда более плотно и активно полагался на взаимодействие с локальной общиной (что объясняется прежде всего тем, что мэр, в отличие от губернатора, — фигура избираемая, а не назначаемая), тогда как ХОГА — на взаимодействие с центральными властями. Именно поэтому в культурных событиях коммеморации и реноминации постоянно «проглядывают» и «прослеживаются» политические и социально-исторические влияния;

б) конкретные техники реализации макрополитик и, в частности, конкретные техники коммеморации и реноминации в своём содержании зависят от способа производства органа власти (и, следовательно, — от возможностей хотя бы и опосредованного участия массовых субъектов в политике), а в своей форме — от распределения сил и неравенств на данный конкретный историко-культурный и социально-политический момент. Харьковский горсовет, как мы продемонстрировали выше, избрал стратегию демонстративной прозрачности действия, доступности историко-коммеморативной информации и задействования научных авторитетов для подкрепления политической легитимности экстернальным культурным и символическим капиталом⁶ — что и неудивительно в свете того, что, как замечают харьковские исследователи, «вопросы ... топонимики, городской идентичности остаются крайне политизированными» (Chornyj 2018: 161). Именно в такой ситуации одной из моделей, которая сложилась в практиковании реноминаций, согласно Д. Чёрному, является «академическая» модель (которая, собственно, и подразумевает вовлечение символического и культурного капитала академической науки) для легитимации реноминативных актов. Напротив, ХОГА, агрессивно опираясь на «центральный» источник легитимности, прозрачность (как минимум в результатах своей деятельности) реализовывала сугубо формально, коммеморативные практики фундировала в общеукраинском, централистском, лоялистском дискурсе, что приводило к делокализации коммеморативных и реноминативных практик, к внедрению традиционно чуждых для региона и его общины реалий и персонажей в топонимическую политику. А это, как мы видели по результатам конкретно-социологических исследований, было достаточно негативно воспринято гражданами Харькова;

в) можно сказать, что из заявленных Марком Перселлом двух составных частей «права на город», то есть права на участие (участие горожан в производстве городского пространства) и права на присвоение («право горожан на физический доступ, владение и пользование городским пространством» (Purcell 2002: 103)), в Харькове в полной мере реализуется лишь вторая. И если, судя по последовательности в сохранении структур и профилей именовании, городские власти были ориентированы хотя бы на частичное участие (или, как минимум, имитацию права на участие) граждан (поскольку, как легко понять, опора реноминации на традиционные практики горожан, есть отсылка к соучастию горожан в производстве этих реноминаций, ибо тем самым эксплуатируются уже наличные

⁶ Что легко проверяется при анализе нормативных документов ХГС, содержащих не только перечни переименования, но и краткие (а иногда и детальные) справки и исторические аргументации, которые, исходя из стилистики, терминологии, методологии составления, были разработаны и подготовлены профессионалами (см. https://www.city.kharkov.ua/documents/docs/49203/dodatok_7_.doc).

структуры повседневности и означивания, произведенные и функционирующие у горожан), то этой же интенции в случае с ХОГА нам уловить не удалось;

г) это, в свою очередь, позволяет нам предполагать, что левеевская идея о том, что «...принципиальная социальная природа пространства, которая не сводима ни к его репрезентациям, ни к материальным объектам» (Terent'ev 2015:195), если не понимается, то практикуется городскими властями. Однако выводы о том, как производится и воспроизводится эта социальная природа пространства, а именно пространство как понимаемое (репрезентированное, произведенное специалистами по городскому планированию, в том числе и политиками), как воспринимаемое (пространство практик) и как обживаемое (пространство пользователей, осваивающих его посредством символического использования на дорефлексивном уровне), можно будет сделать лишь по истечении определённого количества времени и по результатам дополнительных социологических исследований;

д) дифференциация макрополитик и коммеморации осуществляется и по такой мало ожидаемой оси, как ось «больших» имён и годонимов. Обнаружилось, что более агрессивно централистская и лоялистская повестка коммеморации продвигается по линии годонимов, тогда как ось «больших» имён продемонстрировала нам лишь один такой случай (Шевченковский район). В остальном же «большие» имена были нейтрализованы, обезличены, географизированы и реифицированы. Это означает, что в дальнейшем для исследования макрополитик, коммемораций, практик памяти и политик амнезии стоит опираться именно на анализ годонимических реноминаций. Это может быть связано как с «осмотрительностью» и «осторожностью» субъектов годонимической политики по отношению к коллективной памяти и общественным настроениям (в первую очередь), так и с отсутствием «генеральной повестки» у центрального лоялистского дискурса. Иначе говоря, центральный лоялистский дискурс в таком свете не может на данный момент предложить мегафигур и мегасобытий (равноценных по сакрализованности и агиографизованности Фрунзе, Орджоникидзе, Дзержинскому, Ленину, Октябрьской революции), способных «заместить» и «вытеснить» иконостас исходных топонимов;

е) качественный анализ, то есть (в нашем случае) прежде всего приёмы дискурс-анализа функционируют хуже и менее зорко, чем количественный анализ. Структуры коммеморации и макрополитик нам удалось выявить именно в результате применения количественных и статистических методов, тогда как дискурс-анализ и «плотное описание» позволили нам лишь предварительно описать предмет исследования и сформировать исследовательский инструментарий; при этом на базе лишь одномерных распределений мы не можем делать никаких дополнительных выводов (в силу отсутствия сравнительной базы);;

ж) сама культура именованности не слишком сильно изменилась, и в этом смысле «декоммунизация» коснулась лишь содержания, но не формы. «Освоенность» собственных годонимов Харьковом возросла, но не стала преобладающей. Персоналистский акцент номинаций сохранился, хотя и был несколько ослаблен; упали показатели «профессионального» и «символического» акцента номинаций (что, в общем, вполне объяснимо гетерономными по отношению к реноминативным

практикам процессами), появился (как минимум, в исследуемом нами массиве, которым, конечно же, не исчерпывается вся топонимика Харькова) церковный и «абстрактно-лирический», нейтральный акцент; советская эпоха «не ушла» целиком, зато было расширено представительство эпохи Российской империи.

Безусловно, оперировать этими выводами необходимо с определённой степенью осторожности и оговорками. Несмотря на преимущества использованного нами метода сплошного анализа данных (который избегает множества проблем и замечаний относительно выборочного метода), наше исследование имеет ограничения, которые не позволяют трансформировать его выводы в итоговую и окончательную теорию.

Во-первых, речь идёт о специфичной и, вероятно, даже уникальной социокультурной, общественно-политической и дискурсивно-идеологической ситуации конкретного места и времени. Полученные нами выводы даже на украинское пространство могут быть распространены полностью исключительно методологически, в остальном же — с существенными оговорками и ограничениями.

Во-вторых, мы вполне допускаем, что использованный нами инструментарий может обладать некоторыми недостатками, недоработками и лакунами, которые могут быть ликвидированы и оптимизированы в дальнейших исследованиях.

В-третьих, отсутствие сравнительного материала (а именно материала исследований других регионов, других хронологических диапазонов и т.п.) эссенциально ограничивает наши возможности обобщения полученных выводов.

В-четвёртых, интенциональное неиспользование нами для массива годонимов приёмов дискурс-анализа, позволяя объективировать и нейтрализовать идеологические позиции, при этом стесняло нас в возможностях интерпретации результатов исследования, поэтому мы и ограничились в основном макрополитиками, политиками памяти/амнезии и рисками медиатизации.

В-пятых, мы не обращались как к эффектам менеджмента рисков медиатизации, так и к эффектам переименований, а именно не обнаружили результатов специальных социологических обследований харьковского сообщества граждан на предмет восприятия ими переименований.

Эти недостатки являются при этом потенциальными «точками роста» нашего исследования. Так, перспективным выглядит изучение медиарепрезентации макрополитик харьковских органов власти, практик реноминации и политик памяти. Не менее важным кажется исследование и восприятия харьковчанами произошедших процессов (что, между прочим, означает исследование потенциала зарождения «двойной топонимики», так и вероятности окончательности этих переименований, не zaangażированной никакими идеологическими или мировоззренческими позициями). Наконец, мы в ходе анализа обнаружили важные перспективы в том числе классового

анализа⁷, с позиции А. Грамши или Ф. Джеймисона, П. Бурдьё или Й. Бергшtedта, Т. ван Дейка или Э. Лакло. Иначе говоря, может обнаружиться, что за реификатами исторической памяти латентизируются и имплицуются феномены классового господства. Однако это нуждается в исследованиях и доказательствах. Важно то, что в ходе данного исследования мы обнаружили, что практики реноминации в украинских условиях второй половины 2010-х гг. выходят за пределы сугубо практик памяти, коммеморации или «права на участие», что деобъективизирует и вовлекает в этот процесс и самого исследователя, чья позиция — реальная и потенциальная — также должна стать объектом внимательной рефлексии в дальнейших исследованиях.

Bibliography:

Arutjunov, Sergej. (2019). Byt' ili ne byt'? (etnografija pamjati) [from Rus.: To be or not to be? (ethnography of memory)]. *Etnografija* [from Rus.: Ethnography] 2 (4): 172–208.

Babka, Vladimir. (2016). Politika pam'jati v pershi roki nezalezhnosti Ukraїni [from Ukr.: Politics of memory in first years of independence of Ukraine]. *Gileja: nauchnyj vestnik* [from Ukr.: Gilea: scientific journal] 110 (7): 360–364.

Chornyj, Dmytro. (2018) Kharkiv yak obiekt urbanistychnykh studii: konteksty, pidsumky, novi oriientyry [from Ukr.: Kharkiv as the object of urban studies: contexts, summary, new orienteers]. *Visnyk KhNU imeni VN Karazina. Serii «Istoriia Ukrainy. Ukrainoznavstvo: istorychni ta filosofski nauky»* [from Ukr.: Journal of V.N. Karazin Kharkiv national university. Ukrainian studies: historical and philosophical sciences] 26: 157–164.

de Certeau, Michel. (1984). *The practice of everyday life*. Berkeley: University of California Press.

⁷ Вот, например, лишь некоторые обоснования переименований, обнаруженные нами в нормативных документах, которые могут стать интересным объектом с точки зрения переименований как эманаций классовых интересов:

1) «Каринська Варвара Андріївна (Каринська Барбара) (1886, Харків – 1983, Нью-Йорк) – дизайнер одягу, автор сценічних костюмів для кіно і балету, зокрема, співавтор сучасної балетної пачки, загальноприйнятої в світі. Володарка премії «Оскар» (1948) за дизайн костюмів для фільму «Жанна д'Арк». Народилася в сім'ї харківського купця-мільйонера Андрія Яковича Жмудського»;

2) «Найменування вулиці до 1922 року. Виникла в XVIII столітті, в 1804 за вулицею закріплено назву – Слюсарська. З середини XIX століття називалась Куликівська – назва пов'язана з родиною Куликовських, садибне місце Матвія Прокоповича Куликовського, останнього полковника Харківського полку, було розташоване по цій вулиці»;

3) «Виникла в другій половині XIX століття. Найменування походить від імені Максиміліана Гельферіха, бельгійського підприємця та мецената, який оселився на цій вулиці»;

4) «Виникла в середині XIX століття при забудові земель колишнього хутора Станьковського, первісна назва походить в перших поселенців – селян із прізвищем Заїка – Заїківська. В 1968 році її було перейменовано у вулицю Першої Кінної Армії. Одною з доміант вулиці є церква Трьох Святителів, яка більш відома як Гольдбергівська – за прізвищем купця і благодійника Григорія Осиповича Гольдберга»;

5) «Виникла наприкінці XIX століття, назва походить від прізвища Андрія Євлампійовича Мороховця (1845–1904), що володів ділянками землі в цьому місці»;

6) «Симиренки – род сахарозаводчиков».

- Dem'janov, Kirill & Ryzhenko, Valentina. (2017). Ideologija, toponimika, politika pamjati: o massovom pereimenovanii gorodov v SSSR [from Rus.: Ideology, toponymics, politics of memory: about mass renamings of soviet cities]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Istoricheskie nauki* [from Rus.: Journal of Omsk university. Series: Historical sciences] 4(16): 153–160.
- Erpilova, Elena. (2017). Pereimenovanija kak raznovidnost' social'nyh neologizmov [from Rus.: Renamings as type of social neologism]. *Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija* [from Rus.: Theory of language and intercultural communication] 2 (25): 42–47.
- Fedinec, Chilla & Chernichko, Stepan. (2016). Dekommunizacija v sovremennoj Ukraine: poisk putej v oblasti istorii, identichnosti i jazykovoju politiki [from Rus.: Decommunization in modern Ukraine: search of ways in the field of history, identity and language politics]. *Istoricheskaja ekspertiza* [from Rus.: Historical expertise] 4: 67–88.
- Gabibli, Rustem. (2014). Rol' ekstralingvisticheskikh faktorov v toponimii [from Rus.: Role of extra-linguistic factors in toponymy]. *Put' nauki* [from Rus.: Way of science] 4 (4): 82–84.
- Galaktionova, Nelli. (2016). Sociokul'turnyj oblik regiona cherez prizmu toponimicheskoi politiki (kejs Tjumeni i Naberezhnyh Chelnov) [from Rus.: Socio-cultural face of region through the prism of toponymical politics (Tyumen and Naberezhnye Chelny case)]. *Regionologija* [from Rus.: Region studies] 1 (94): 152–163.
- Gerasimenko, Tat'jana & Svjatoha, Natal'ja. (2019). Toponimicheskaja transformacija Respubliki Tadžikistan. [from Rus.: Toponymical transformation of Tajikistan republic]. *Regional'nye problemy geologii, geografii, tehnosfernoj i ekologicheskoi bezopasnosti* [from Rus.: Regional problems of geology, geography, techno-sphere and ecological safety]. Orenburg: "Poliart", 102–105.
- Golikov, Aleksandr (2006). Social'naja percepcija VS istoricheskaja pamjat' v kontekste kul'turnogo razryva i societal'nyh transformacij [from Rus.: Social perception VS Historical memory in context of cultural divide and societal transformations]. *Shevchenkivs'ka vesna. Suchasnij stan nauki: dosjagnennja, problemi ta perspektivi rozvitku* [from Ukr.: Shevchenko spring. Modern state of science: results, problems and perspectives of development]. Kiev: Vidavnično-poligrafichnij centr «Kijivs'kij universitet», 90–98.
- Golikov, Alexander. (2018). Kharkovians' media consumption: knowledge, groups and specific. *Media i Społeczeństwo* 9: 86–111.
- Golikova, Tat'jana. (2014). Oficial'nye vs. neoficial'nye godonimy Moskvy: modeli tranonimizacii [from Rus.: Official vs. non-official godonyms of Moscow: models of tranonimization]. *Nauchnyj dialog* [from Rus.: Scientific dialogue] 9 (33): 24–36.
- Golomidova, Marina. (2017). Sovremennaja urbanonimicheskaja nominacija: strategicheskie podhody i prakticheskie reshenija [from Rus.: Modern urbanonymic nomination: strategic approaches and practical decisions]. *Voprosy onomastiki* [from Rus.: Questions of onomastics] 14 (3): 185–203.
- Golovnjova, Elena. (2014). Formy diskursivnoj reprezentacii gorodskoj identichnosti [from Rus.: Forms of discursive representations of city identity]. *Sociologija vlasti* [from Rus.: Sociology of power] 2: 56–64
- Gornyj, Mihail. (2015). Vozvrashhenie gorodu pervonachal'nogo nazvanija Sankt-Peterburg [from Rus.: First name Saint-Petersburg returning to city]. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovanij* [from Rus.: Telescope: journal of sociological and marketological researches] 5: 13–23.

- Hrytsenko O. (2014) Pamiat mistsevoho vyrobnytstva. Transformatsiia symvolichnoho prostoru ta istorychnoi pamiaty v malykh mistakh Ukrainy [from Rus.: Memory made by locals. Transformation of symbolic space and historical memory in small towns of Ukraine]. Kyiv: Vyd-vo «KIS».
- Kushalakova, Al'fija. (2015). Istorija Astrahanskogo kraja, zakreplennaja v toponimakh [from Rus.: History of Astrahan region, fixed in toponyms]. *Aktual'nye napravlenija nauchnyh issledovanij: ot teorii k praktike* [from Rus.: Actual branches of scientific researches: from theory to practice] 1 (3): 44–45.
- Larionova, Ol'ga. (2019). Izmenenie istoricheskoi toponimiki goroda Votkinsk [from Rus.: Changing of Votkinsk city historical toponymics]. *Vostochno-Evropskij nauchnyj vestnik* [from Rus.: Eastern–Europe scientific journal]. Izhevsk: ChOU VEI, 14–21.
- Lavrov, Oleg. (2013). Toponim kak jelement kul'tury [from Rus.: Toponym as the element of culture]. *Nachalo: zhurnal Instituta bogoslovija i filosofii* [from Rus.: Beginning: journal of Institute of theology and philosophy] 27: 211–227.
- Lejbovich, Oleg. (2019). «Teper' ne vremja pomnit'...» bol'shevizacija istoricheskoi pamjati v 1920–1930-e gody [from Rus.: „It's not the moment to remember”: bolshevization of historical memory in 1920–1930s]. *Tehnologos* [from Rus.: Techno–logos] 3: 38–46.
- Lekareva, Ljudmila. (2019). K voprosu o naimenovanii i pereimenovanii ob'ektov v gorode Pskove [from Rus.: Some issues on namings and renamings of Pskov city objects]. *Inostrannyj jazyk i kul'tura v kontekste obrazovanija dlja ustojchivogo razvitija* [from Rus.: Foreign language and culture in context of education for stable development]. Pskov. S. 187–193.
- Mozgovoj, Vladimir. (2015). Pereimenovanija toponimicheskikh ob'ektov Donbassa: ob'ektivnaja neobходimost' ili orudie jekspansii? [from Rus.: Renamings of Donbass toponymical objects: objective necessity or the instrument of expansion?]. *Nauka i mir v jazykovom prostranstve* [from Rus.: Science and world in language space]. Makeevka : DonNASA, 2015, 271–275.
- Mozgovoj, Vladimir. (2017). Imja sobstvennoe kak ob'ekt kul'tury i kul'turno–istoricheskaja real'nost'. [from Rus.: Proper name as object of culture and cultural–historical reality] *Kul'tura v fokuse nauchnyh paradigm* [from Rus.: Culture in focus of scientific programs] 5: 148–152.
- Musiezdov, Oleksij (2016). Mis'ka identichnist' u (post)suchasnomu suspil'stvi: ukraїns'kij dosvid [from Rus.: City identity in (post)modern society: Ukrainian experience]. Kharkiv: KhNU imeni V.N. Karazina.
- Myuhtar-May, Fatme. (2014). Identity, nationalism, and cultural heritage under siege: five narratives of Pomak heritage—from forced renaming to weddings. Leiden: Brill Academic Publishers.
- Nazukina, Marija. (2018). Naimenovanie kak instrument konstruirovanija territorial'noj identichnosti (na primere vybora nazvanija dlja novogo terminala Permskogo ajeroporta [from Rus.: Naming as instrument of constructing of territorial identity (on the expamle of choosing name for the new terminal of Perm airport)]. *Vestnik Permskogo nauchnogo centra UrO RAN* [from Rus.: Journal of Perm scientific center of UrO RAS] 4: 54–61.
- Novichihina, Marina. (2014). Fenomen renejminga: sovremennoe sostojanie [from Rus.: Phenomenon of renaming: contemporary state]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [from Rus.: Scientific journal of Belgorod state university. Series: humanities] 6 (177): 174–178.
- Peteshova, Ol'ga. (2018). Alljuzija kak sposob soglasovanija toponimov pri pereimenovanii geograficheskikh ob'ektov Kaliningradskoj oblasti [from Rus.: Allusion as the Way of Matching of Toponyms During

- the Renaming of Kaliningrad Region Geographical Objects]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovanija* [from Rus.: Researches in humanities and pedagogy] 2 (3): 67–70.
- Pisachkin, Vladimir. (2018). Rezentatsii v social'nom prostranstve regiona [from Rus.: Representations in social space of region]. *Siberian socium* 2 (4): 8–19.
- Plehanov, Artemij. (2018). Razrushenie prostranstva sovet'skogo simbolicheskogo gospodstva v postsovet'skoj Ukraine [from Rus.: Destruction of soviet symbolic dominance space in post-soviet Ukraine]. *Politicheskaja nauka* [from Rus.: Political science] 3: 190–216.
- Purcell, Mark. (2002). Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant. *Geojournal* 58 (2–3): 99–108.
- Rozhanskij, Mihail. (2013). Dekolonizacija gorod'skogo prostranstva: toponimija [from Rus.: Decolonization of city space: toponymics]. V *Puti Rossii. Istorizacija social'nogo opyta* [from Rus.: Ways of Russia. Historization of social experience], pod red. M.G. Pugachevoj i V.P. Zharkova. Moskva: NLO, 9–32.
- Sinel'nikova, Lara. (2015). Diskurs vlasti: ot legitimizacii do manipuljacii [from Rus.: Discourse of power: from legitimation to manipulation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. Filologicheskie nauki* [from Rus.: Scientific notes of V.I Vernadsky Krym federal university. Filological sciences] T. 1 (67). 4: 10–15.
- Slobodjanjuk, Anatolij & Golikov, Oleksandr. (2009). Politiki amnezij: propozicii do konceptualizacii ta potencija evristiki [from Ukr.: Politics of amnezies: proposals to conceptualization and potential of heuristics]. *Sociologija v situacii social'nih neviznachenostej: Tezi dopovidej uchasnikiv I Kongresu Sociologichnoi asociacii Ukraïni* [from Ukr.: Sociology in situation of social uncertainty. Theses of reports of participants of I Congress of Sociological association of Ukraine]. Kharkiv: KhNU imeni V.N. Karazina, 430
- Tahtaulova, Marija. (2017). Harkiv's'ka toponimika: etapi dekomunizacii [from Ukr.: Kharkiv toponymics: stages of decommunization]. *Misto: istorija, kul'tura, suspil'stvo* [from Ukr.: City: history, culture, society] 1 (2): 142–151.
- Tatarova, Viktorija. (2013). Vlijanie politicheskikh sobytij 1991 goda v Ukraine na pereimenovanie odesskikh gazet [from Rus.: Influence of political events of 1991 in Ukraine on Odessa press renamings]. *Intelligencija i vlast'* [from Ukr.: Intellectuals and power] 29: 79–85.
- Terent'ev, Evgenij. (2014). Toponimicheskie praktiki kak ob'ekt sociologicheskogo issledovanija: analiticheskij obzor [from Rus.: Toponymical practices as object of sociology research: analytical overview]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Sociologija* [from Rus.: Herald of Russia University of People's Friendship. Series: Sociology] 3: 73–86.
- Terent'ev, Evgenij. (2015). Toponimicheskij aktivizm i «pravo na gorod»: sociologicheskie zametki [from Rus.: Toponymical activism and “right on city”: sociological notes]. *Vestnik Tom'skogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [from Rus.: Tomsk state university herald. philosophy. sociology, politology] 1 (29): 194–202.
- Thakahov, Valerij. (2018). Toponimicheskaja transformacija identichnosti i pamjati v KBR: Nal'chik [from Rus.: Toponymical transformation of identity and memory in CBR: Nalchilk case]. *Nauchnaja mysl' Kavkaza* [from Rus.: Caucasus scientific thought] 4: 73–80.
- Tomilina, Galina & Belomorets, Valentina. (2013). From observations on renaming settlements Dnepropetrovsk and Zaporozhye regions. *Visnyk Zaporiz'koho nacional'noho universytetu. Filolohichni nauky* [from Ukr.: Zaporizhzhya national university herald. Philological sciences] 2: 194–198.

- Ustavshhikova, Svetlana. (2018). Problemy pereimenovaniya gorodov v stranah Central'noj Azii [from Rus.: Problems of Central Asia cities renamings]. *Sovremennye evrazijskie issledovaniya* [from Rus.: Modern Eurasian researches] 2: 95–106.
- Vinokurov, Alexander. (2016) Sociokul'turnyj portret Smolenskoj oblasti: issledovanye toponymii i toponimicheskikh praktyk Prygranich'ya [from Rus.: Socio-cultural portrait of Smolensk region: research of toponyms and toponymical practices of borderland]. V *Slavyanskyj myr: pys'mennost', kul'tura, istoriya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencyy* [from Rus.: Slavic world: writing, culture, history. Materials of international scientific conference]. Smolensk: SHYY, 27–32.
- Voroshilin, Sergej. (2011). Toponimicheskie vojny v mire – nasil'stvennaja smena toponimov vsledstvie vojn, revoljucij i kolonizacii [from Rus.: Toponymical wars in modern world – violence changes of toponyms due to wars, revolutions and colonization]. *Voprosy vseobshhej istorii*. [from Rus.: Problems of general history] 13: 80–98.
- Zayec', Ol'ga. (2015). Nacional'ne buttja, identifikacija ta real'ne [from Ukr.: National being, identification and real]. *Gileja: nauchnyj vestnik* [from Ukr.: Gilea: scientific journal] 101: 240–244.